

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 111

Гранин Р.С.

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА И ЕЕ СТРУКТУРА^{1,2}

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, grrom@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка дать структуралистское определение эсхатологии как «эсхатологической парадигмы» – логической структуры синхронически-диахронического вида, сводимой к системе логических инвариантов – гомологий. Что формализует применение структурного и сравнительного анализа эсхатологически-инициативных концепций в различных религиозно-философских традициях. Совокупность методологических стратегий, объединенных структурным подходом, позволила говорить о междисциплинарном поле исследований – аналитической эсхатологии.

Ключевые слова: аналитическая эсхатология; парадигма; гомология; инициация; сновидение; мнимость.

Поступила: 15.06.2019

Принята к печати: 17.07.2019

Granin R.S.

Eschatological paradigm and its structure

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, grrom@mail.ru*

Abstract. The article attempts to give a structuralist definition of eschatology as an «eschatological paradigm» – a logical structure of a synchronic-diachronic type,

¹ © Р.С. Гранин, 2019

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-33-00025-ОГН «Гетеротопия: Цивилизационный контекст» (Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-33-00025-OGN «Heterotopia: Civilization Context»).

reducible to a system of logical invariants – homology. That formalizes the use of structural and comparative analysis of eschatological-initiatic concepts in various religious and philosophical traditions. The combination of methodological strategies united by a structural approach enabled us to speak of an interdisciplinary field of research – analytical eschatology.

Keywords: analytical eschatology; paradigm; homology; initiation; dream; imaginarity.

Received: 15.06.2019

Accepted: 17.07.2019

Фундаментальная противоположность двух онтологических категорий феноменального и ноуменального является предельной (эсхатологической) дихотомией, порождающей проблему способа и формы описания ноуменального языком рационалистической метафизики. Проблема заключается в том, что ноуменальное по сути своей не может быть адекватно схвачено вербальным знанием, так как, находясь вне сферы феноменального, описывается не пространственно-временной логикой причинно-следственных связей (отсюда образность религиозной и мифологической эсхатологической символики). Для разрешения данного вопроса в рамках рационалистической метафизики было предложено как минимум две парадигмы решения: введение П.А. Флоренским понятия «мнимого» пространства и времени, и введение К.Г. Юнгом понятия «синхронии» – акаузального (непричинного) связующего принципа.

Согласно Павлу Флоренскому, мнимость возникает на границе реального и идеального. Так, например, сновидение, очевидно, принадлежит ноуменальному: оно не обладает пространственностью в физическом смысле, его временная размерность также весьма отлична от метрики физического времени. В книге «Иконостас» философ пишет, что пространство-время сновидения является мнимым, оно есть идеальная (в платоновском смысле) часть реальности со своей собственной трансцендентальной мерой. В измерении, связанном со сном, время может протекать не только с бесконечной скоростью, но и «выворачиваясь через себя» течь в обратном (мнимом) направлении¹, т.е. происходит инверсия причин и следствий, возникает целевая, телеологическая причинность [Флоренский, 1995, с. 38]. В связи с чем следует упомянуть место из «Тибетской

¹ Отдельному философскому рассмотрению проблематики мнимости Флоренский посвятил IX главу книги «Мнимости в геометрии».

книги мертвых», где в обращении к покойному говорится, что в оборочном промежуточном состоянии между смертью и новым рождением (тибет. бардо – промежуточное состояние, состояние неопределенности) ему все будет казаться странным. Это вызвано тем, что «в это время вся сансара повернется вспять», т.е. время поменяет направление своего течения [Тибетская книга мертвых, 2009, с. 213]¹. Во многих культурных традициях прослеживается отождествление смерти и сна. Так, в религиозно-философской традиции Древней Греции сон и смерть считались братьями-близнецами, и многие обряды посвящений (строящиеся вокруг мотива символической смерти) сопровождался испытаниями лишения сна [Элиаде, 2010, с. 128–134]. Плутарх писал о сне как о малых мистериях смерти [Флоренский, 1995, с. 154–155]. Многие мистериальные и инициатические культы были направлены на управление временем для того, чтобы осуществить выход за его пределы в вечность – сакральное время героев и богов. Так, например, представления о «возвращении к истокам» в «золотой век» (которые можно интерпретировать как экстериоризацию идеи об инверсии времени) историк религий Мирча Элиаде объяснял идеей повторения космогонии, происходящей в первоначальном времени созидания, «которое единственно способно обеспечить тотальное обновление Космоса», новую космогонию [Элиаде, 2010, с. 46]².

В связи с этим интересно отметить, что эсхатологическую концепцию Н.Ф. Федорова – проект воскрешения предков – также возможно интерпретировать в смысле своего рода «возврата к истокам». Согласно проекту, деторождение заменяется восстановлением предков, т.е. происходит своего рода обращение причинности, сначала с прекращением деторождения наступает конец мировой истории (исторического развития), а затем происходит ее

¹ Согласно К.Г. Юнгу, в «Тибетской книге мертвых» излагается классическая доктрина посвящения, но так как обращена она изначально к мертвым, то порядок ее изложения является регрессивным: «В этой книге описывается посвящение в учение в обратной последовательности, которое, в отличие от христианской эсхатологии, готовит к возвращению в физический мир» [Юнг, 2009, с. 49], что заставило Юнга давать свой «Психологический комментарий» в более привычном, обратном по отношению к тексту книги, порядке [там же, с. 31–53].

² Здесь отражены архаические представления о том, что знание происхождения какой-либо вещи дает сокровенное ведение ее сущности, т.е. власть над вещью или явлением.

обращение вспять через оживление покойных предков поколение за поколением, вплоть до Первого Человека. В таком виде в проекте Федорова происходит экстериоризация представлений о смерти и их обращенная проекция на мировую историю. Согласно такому пониманию проекта, для актуализации всех поколений человечества необходима реактуализация истории, ее конец и обращение времени вспять представляется «движением к истокам» в «золотой век». Таким образом, в последовательном исполнении проекта воскрешения можно видеть воспроизведение эсхатологически-инициатической идеи обращения времени вспять, что является признаком перехода из пространственно-временного бытия в идеальное существование. Как уже отмечалось, символику «возврата к истокам» Мирча Элиаде объяснял идеей повторения космогонии, происходившей в первоначальном сакральном Времени, времени созидания, «которое единственно способно обеспечить тотальное обновление Космоса» [Элиаде, 2010, с. 46]. Реактуализацией «абсолютного начала» творится новое бытие, через «трансценденцию жизни» — жизнь вечная. В методологическом смысле обращенность «реального» в мнимое может служить косвенным признаком трансцендентального перевода ноуменального в феноменальное (П.А. Флоренский, например, использовал для обозначения этого термин «транспозиция» [Флоренский, 1995, с. 38], а С.Н. Булгаков — «трансценз»¹).

Другой концепцией, затрагивающей проблематику транспозиции или трансценза феноменального и ноуменального, является выдвинутая Юнгом (и развиваемая совместно с физиком В.Э. Паули) идея существования акаузальных связей — недетерминированных событий, не обусловленных причинностью. На эмпирическом уровне они воспринимаются как «неслучайные случайности»: смысловые совпадения (например, в гадательных и астрологических предугадываниях), случаи дежавю и т.п. Данный класс событий Юнг определяет термином «синхрония» (синхроничность, синхронистичность, нем. — synchronizität). Впервые он употребляет

¹ «Смерть есть некоторый трансценз в иную жизнь» [Булгаков, 2006, с. 374], а также: «Этот трансценз, отделяющий историю от метаистории, выражается в ряде образов, но прежде всего и по преимуществу в том, что эта жизнь будущего века имеет все новое (καινός), в отличие и противоположение прежней» [Булгаков, 1948]; в современной европейской философии этому понятию можно соотнести термин «трансгрессия» (Гегель, Батай, Фуко).

это понятие в 1930 г. в памятной речи в честь Рихарда Вильгельма, переводчика неодаосского трактата «Тайна золотого цветка». В ней Юнг сообщал, что логическая структура гадательной практики «Книги перемен» (И-цзинь) построена по принципам, которых нет в западной науке и которые он предлагал назвать «синхроническим не причинным принципом». В развитии проблемы некаузальных связей ученый опирался на работы Шопенгауэра («Об очевидном узоре в судьбе человека») и Лейбница (идея предустановленной гармонии)¹. Согласно принципу синхроничности, существует некая (по крайней мере, смысловая) связь между психическими и физическими феноменами, которую невозможно свести к простым совпадениям. Через синхроничность происходит соприкосновение феноменального и ноуменального. В эмпирическом смысле синхронические события свидетельствуют в пользу индетерминизма, так как могут считаться подтверждением фундаментальности флуктуаций, которые в классической научной парадигме считались лишь следствием неполноты человеческого знания о всех причинах, которое со временем непрерывного научного прогресса должно было стать полным и абсолютным². Из принципа синхроничности следует, что феноменальный мир принципиально несводим к упорядоченной детерминированной системе, так как он является фрагментом лежащего в иной плоскости ноуменального, без которого сам по себе не является полным (Флоренский в этом смысле, как отмечалось выше, развивал аритмологию).

Сформулируем структурное определение эсхатологической парадигмы, для чего в сжатой форме озвучим основные положения эсхатологически-инициатических представлений. Трансформация личности в инициации («трансценденция жизни» по Юнгу [Юнг, 2003,

¹ В 1951 г. на девятнадцатом заседании общества «Эранос» Юнг сделал доклад, развивающий идеи синхроничности, в 1952 г. в сборнике «Интерпретация природы и психе» вышла его работа «Синхроничность: акаузальный объединяющий принцип» [Гранин, 2010].

² Одной из последних попыток отстоять принцип детерминизма был мысленный эксперимент Эйнштейна-Подольского-Розена (ЭПР-парадокс), цель которого – привести либо к нарушению принципа неопределенности Гейзенберга, либо к нелокальности (распространению взаимодействия с бесконечной скоростью), откуда должно было бы следовать существование «скрытых параметров», означающее неполноту квантовой механики. До настоящего времени ни один эксперимент не подтвердил их существования [Пригожин, 2001, с. 208].

с. 135]) ассоциируется со светом и образами восхождения, она является экзистенциальным метафизическим опытом, идеальным в платоновском смысле, осуществляемом вне физического пространства и времени. Он не зависит от сознания человека, возникает спонтанно и имеет нуминозное, психическое происхождение [Элиаде, 1998, с. 330–332]. Для выражения этого опыта требуется преобразование синхронии в диахроническую репрезентацию, что позволяет положительно говорить об идеальном, применять к нему логику пространственно-временного – причинно-следственного – упорядочивания, в рамках которого функционирует человеческое сознание. Функция эсхатологии в данном аспекте заключается в отображении синхронии в диахронию. Определим эсхатологическую парадигму как систему элементов, образующих структуру вида: $C^T \rightarrow D$, где C (синхрония) – обозначает «вертикальную» стратификацию уровней реальности (инициатический опыт субъекта, личная эсхатология); D (диахрония) – является ее «горизонтальной» проекцией, «визуализацией» (мировая эсхатология); T (транспонирование) – это операция преобразования вертикальной структуры C в ее горизонтальную визуализацию D . Термин «транспонирование» отражает строгий характер отображения стратификации C в пространственно-временную метрику D . В силу функциональной и содержательной эквивалентности эсхатологии и инициации данную логическую структуру можно называть «инициатической» или «эсхатологически-инициатической парадигмой», но, поскольку наше определение эсхатологии имплицитно содержит в себе понятие инициации, мы ограничиваемся термином «эсхатологическая парадигма».

Эсхатологические и инициатические концепции имеют ряд структурных и функциональных соответствий, которые могут быть сведены к логическим структурам, отражающим их содержание и функциональное значение. Критерием эквивалентности представления эсхатологии в качестве парадигмы является ее структурное определение (необходимое условие), дополненное содержательным образом (достаточное условие). Содержание эсхатологической парадигмы сводится к ряду эсхатологических сценариев или, как их называл М. Элиаде, – «инициатических шаблонов» («эсхатологических паттернов» – по В.Н. Нечипуренко [Нечипуренко, 1997]), в которых воспроизводятся в общем виде универсальные архетипические мотивы трансформации личности (процедуры омоложения и достижения бессмертия, загробные испытания, пере-

рождение). Многообразие эсхатологически-инициатических шаблонов отображается конечным числом воспроизводимых ими логических структур, которыми они исчерпываются. Эти логические структуры инвариантны относительно типа повествования. Назовем сопоставимые эсхатологические шаблоны (эсхатологически-инициатические инварианты) сравниваемых эсхатологических парадигм гомологиями (от др. греч. – подобный, похожий). Например, гомологичными будут эсхатологический сценарий описания смерти блаженной Феодоры в византийском произведении XII в. «Рассказ бл. Феодоры о мытарствах» [Рассказ блж. Феодоры о мытарствах, 1995, с. 251–270] и шаблон инициации якутских шаманов [Элиаде, 2009, с. 23]. Описание процесса смерти Феодоры дословно воспроизводит описание ритуальной смерти якутского шамана: горькое питье, приносящее смерть, усекование частей тела и головы, за которым наблюдает душа, восхождение (по лестнице, стволу дерева, горе).

Наличие эсхатологически-инициатической гомологичности говорит о предпочтительности одних логических форм выражения экзистенциального опыта (представлений) перед другими. Эсхатологическая парадигма, таким образом, состоит из системы эсхатологических гомологий, упорядоченных логической структурой диахронически-синхронического вида. Соответственно, разные эсхатологические и инициатические традиции могут быть записаны в виде парадигм, имеющих общую структуру, сводимых к совокупности сравнимых эсхатологических гомологий. Это позволяет, применяя к эсхатологически-инициатическим феноменам структурный и сравнительный анализ, находить по известным гомологичным элементам неизвестные, давать их уточненные интерпретации и реконструировать эсхатологические концепции в целом. Таким образом, важнейшим при исследовании различных эсхатологических традиций становится вопрос метода исследования. Назовем предложенный аналитический подход методологией *аналитической эсхатологии*.

Список литературы

Булгаков С.Н. Апокалипсис Иоанна. – Париж: Ymca-Press, 1948. – 353 с.

- Булгаков С.Н. Невеста Агнца. – М.: Общедоступный Православный Ун-т, 2006. – 656 с.
- Гранин Р.С. Проблема бессознательного и искусственный интеллект: Тезисы доклада // Искусственный интеллект: философия, методология, инновации: IV Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых МИРЭА. – 2010. – 10–12 ноября.
- Нечипуренко В.Н. Эсхатологические мифы и учения как социальный феномен (опыт социально-философского анализа): дис. ... канд. филос. наук.: 09.00.11 / Новочеркасск. гос. техн. ун-т. – Ростов-на-Дону, 1997. – 145 с.
- Пригожин И.Р. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 208 с.
- Рассказ блаж. Феодоры о мытарствах // Роуз С. Душа после смерти. – СПб.: Царское дело, 1995. – С. 251–270.
- Тибетская книга мертвых. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – 384 с.
- Флоренский П.А. Иконостас. – М.: Искусство, 1995. – 256 с.
- Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. – М.: Лазурь, 1991. – 96 с.
- Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, 2010. – 251 с.
- Элиаде М. История веры и религиозных идей: От Магомета до реформации. – М.: Академический проект, 2009. – 463 с.
- Элиаде М. Переживание мистического света // Элиаде М. Азиатская алхимия: Сборник эссе. – М.: Янус-К, 1998. – С. 330–376.
- Юнг К.Г. О перерождении // Юнг К.Г. Синхрония. – М.: Рафл-бук; Киев: Ваклер, 2003. – С. 129–167.
- Юнг К.Г. Психологический комментарий // Тибетская книга мертвых. – СПб., 2009. – С. 31–53.

References

- Bulgakov, S.N. (1948). *Apokalipsis Ioanna*. Paris: Ymca-Press.
- Bulgakov, S.N. (2006). *Nevesta Agnca*. Moscow: Obshedostupnyj Pravoslavnyj Un-t.
- Granin, R.S. (2010). *Problema bessoznatelnogo i iskusstvennyj intellekt (Tezisy doklada)*. Moscow: MIREA.
- Nechipurenko, V.N. (1997). *Eshatologicheskie mify i ucheniya kak socialnyj fenomen (opyt socialno-filosofskogo analiza)* (dis. ... kand. filos. Nauk). Rostov-na-Donu.
- Prigozhin, I.R. (2001). *Konec opredelennosti. Vremya, haos i novye zakony prirody*. Izhevsk: NIC «Regulyarnaya i haoticheskaya dinamika».
- Rasskaz blazh. Feodory o mytarstvah (1995). In: Rouz, S. *Dusha posle smerty*. Saint Petersburg: Tsarskoe delo, (p. 251–270).
- Tibetskaya kniga mertvyh. (2009). Saint Petersburg: Azbuka-klassika.
- Florenskij, P.A. (1995). *Ikonostas*. Moscow: Iskusstvo.
- Florenskij, P.A. (1991). *Mnimosti v geometrii*. Moscow: Lazur.
- Eliade, M. (2010). *Aspekty mifa*. Moscow: Akademicheskij proekt.

- Eliade, M. (2009). *Istoriya very i religioznyh idej: Ot Magometa do reformacii*. Moscow: Akademicheskij proekt.
- Eliade, M. (1998). *Perezhivanie misticheskogo sveta*. In: Eliade, M. *Aziatskaya alhimiya: Sbornik esse*. (pp. 330–3376). Moscow: Yanus-K.
- Yung, K.G. (2003). *O pererozhdenii*. In: Yung, K.G. *Sinhroniya*. (pp. 129–167). Moscow: Rafl-buk; Kiev: Vakler.
- Yung, K.G. (2009). *Psihologicheskij kommentarij*. In: *Tibetskaya kniga mertvyh*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika.